

Глава 35. Золотое Ядро

До оглашения следующего Списка небесных испытаний оставалось пять лет. Правила отбора не изменились: возраст соискателя не должен превышать века.

Увы, у такого «старца», как Лян Сюань, шансов не было по определению.

В своё время Цинсяо-цзун прославился и стал величайшим в Поднебесной именно благодаря ему. Одержав сокрушительную победу, он возглавил Список десяти святых и прогремел на весь мир, вознеся за собой и родную обитель.

Испытания через пять лет должны были решить, удержится ли Цинсяо-цзун на этой сияющей вершине, продолжая взирать на мир свысока.

Впрочем, сам Лян Сюань прекрасно знал ответ: черта с два. Не бывать этому.

Главный герой — этот ходячий читер — сейчас у него в руках. А значит, через пять лет титул величайшей секты Поднебесной безоговорочно отойдёт Долине Бавана.

— Ну же, сынок, соберись! Посмотри на себя: вылитая солёная рыба, вялая и растерявшая последние мечты!

Ещё со вчерашнего вечера Шэнь Гумин ходил сам не свой, словно из него выпустили весь воздух — во время тренировок его выпадам явно не хватало прежней мощи.

Лян Сюань прищурился, в его взгляде проскользнуло подозрение:

— Ты там часом не натворил делов за моей спиной?

Неужели предаётся тайным порокам втайне от наставника?

Шэнь Гумин лишь покачал головой, глядя прямо и открыто. Не похоже, чтобы он лгал.

... Тогда с чего вдруг эта напускная холодность и отстранённость?

Прошлой ночью Лян Сюань решил обойтись без дверей: легко вспрыгнул на подоконник, выскользнул в сад и призрачной тенью скользнул под лунным светом к своему маленькому бессмертному господину. Внимательно всмотревшись в его лицо, он вздохнул и принялся лично, рука об руку, направлять его меч.

Из-за особенностей тела ладони Лян Сюаня всегда оставались прохладными. Когда Лян Сюань

легко накрыл ладонью тыльную сторону руки юноши, Шэнь Гумин невольно вздрогнул.

— Сперва сосредоточься, затем медленно собирай духовную энергию, — негромко наставлял Лян Сюань.

Шэнь Гумин послушно повиновался.

— Не хватайся так близко к гарде, смотри на самый кончик клинка.

— Сила рождается в пояснице и послушно перетекает в плечо и кисть. Не сжимай эфес до белых костяшек, просто держи крепко. Пусть работает запястье... Нет, слишком зажато.

— Голову-то куда задрал? Взлететь собрался? Шею вытянул, вы поглядите на него, гусь лапчатый!

—... Ты сегодня вообще ел, маленький бессмертный господин?

Глядя на то, как сознание Шэнь Гумина то возвращается к реальности, то снова уплывает в неведомые дали, Лян Сюань примостился на крышке своего гроба. Подтянув полы халата, он сел поглубже, чтобы длинные стройные ноги свободно болтались в воздухе.

— Ладно, в ближайшие дни можешь не тренироваться. С таким настроем только ворон считать. И зачем, спрашивается, ты так отчаянно набивался ко мне в ученики?

— Прошу прощения, — Шэнь Гумин опустил клинок в ножны и понурил голову, уходя в какие-то свои мысли. — Дайте мне два дня. Я приведу себя в порядок.

Если уж главный герой пообещал исправиться за два дня, он расшибётся, но сделает.

Ровно сорок восемь часов, секунда в секунду.

Когда Лян Сюань в очередной раз проснулся и откинул крышку гроба, он увидел статного, подтянутого юношу, увлечённо фехтующего посреди изумрудной чаши.

В его движениях больше не осталось прежней вялости — каждый выпад дышал сокрушительной мощью.

Яростные волны лазурной ци с тигриным рыком проносились между деревьями, оставляя на древних стволах глубокие росчерки. Для стадии Возведения Фундамента это был превосходный, зрелый результат.

Шэнь Гумин замер, заведя меч за спину. На его плечо плавно опустился пожухлый лист. Будучи законченным чистюлей, юноша сперва недовольно нахмурился, затем брезгливо смахнул соринку и, наконец, уставился на свой рукав с таким видом, словно туда приземлился навозный жук, и тщательно на него подул.

Лян Сюань мысленно закатил глаза.

«Да ладно тебе, хватит дуть. И так уже вырядился и начистился, как капризная принцесса».

Шэнь Гумин только собирался продолжить тренировку, как вдруг заметил свесившего из гроба ногу Лян Сюаня. Он просиял от искренней радости, словно пред ним предстало само спасение. Отшвырнув верный клинок, он с восторженным воплем: «Учитель-и-и!» со всех ног припустил к наставнику.

Лян Сюань с готовностью поддержал эту шутливую буффонаду: поднялся в полный рост, широко раскинул объятия и пропел:

— Мой ненаглядный сы-ы-ын!

Какое счастье, его маленький бессмертный господин наконец-то вернулся в твердый ум и добрую память!

В следующее мгновение они оба покатались по траве, сплетясь в весёлой куче-мале.

— Учитель, ну как, я хорошо занимался?! — Шэнь Гумин навис над Лян Сюанем, уперевшись руками по обе стороны от его головы, и преданно заглянул в глаза. — В последние дни я был сам не свой и огорчил вас. Это целиком моя вина!

Лян Сюань издал неопределённый горловой звук.

— Что такое, учитель?

—... Для начала слезь с меня, — Лян Сюань моргнул. — Хотя если тебе так уж хочется поговорить в такой позе, я, в принципе, не против.

Наконец сообразив, что их обоюдное положение выглядит двусмысленно, Шэнь Гумин закивал как китайский болванчик, торопливо вскочил на ноги и принялся рьяно отряхивать пыль сначала со своих одежд, а затем потянулся к наставнику.

Лян Сюань со смехом перехватил его руки и поднялся сам.

— Да ладно тебе, не егози. Лучше признавайся, что с тобой творилось эти два дня? Звал тебя — ноль внимания. Ходил как громом пришибленный.

Словно рассудок на время потерял.

Шэнь Гумин что-то невнятно пробормотал себе под нос, увиливая от ответа, а затем расплылся в такой ослепительной улыбке, что у Лян Сюаня зарябило в глазах. Ухватив наставника под локоть, он принялся канючить, чтобы тот забыл о глупостях и поскорее показал новые приёмы.

Лян Сюань со смешком высвободил руку:

— Какой ещё меч, егоза? Сначала обед.

И когда только этот парень успел превратиться в такую ласковую липучку?

Развернувшись к костру, он так и не увидел, как мгновенно сползла с лица юноши весёлая маска, уступив место тяжелому, пронзительному взгляду, устремленному ему в спину.

Два дня назад, когда Лю Юаню подчистую срезали половину волос и заставили вымаливать прощение на коленях, Шэнь Гумин отчетливо уловил, как в глазах Лян Сюаня на миг вспыхнули алые всполохи синьмо.

Из древних трактатов он знал: если человек, одержимый синьмо, поддаётся гневу или иным сильным чувствам, он теряет самообладание, а его духовная защита дает опасную брешь.

В груди Шэнь Гумина тогда шевельнулось смутное предчувствие. Он прикрыл глаза, сосредоточился и попытался воссоздать то полузабытое ощущение, что испытывал при использовании техники «Сокращения земли до шага».

Всего мгновение спустя с его пальцев сорвалась едва заметная струйка черного тумана. Словно крошечная змейка, она бесшумно скользнула под кожу Лю Юаня, выбрав ближайшее плечо. Сам же юноша при этом не повёл и бровью.

Напрямую расспрашивать Лян Сюаня о прошлом было бессмысленно и опасно. Сто лет назад сам Шэнь Гумин ещё даже не родился, он ничего не знал о тех временах и панически боялся ненароком ранить наставника неосторожным словом.

Раз этот путь закрыт, оставалось действовать обходными тропами.

Например, разговаривать тех, кто знал правду.

Его кажущаяся рассеянность во время тренировок объяснялась просто: все эти часы он отдавал колоссальные силы на поддержание «Духа за спиной», свившего гнездо в теле Лю Юаня. Его слух был устремлен за тысячи ли отсюда.

Он толком не слышал, что говорил ему здесь Лян Сюань, а потому лишь молча следил за движениями его губ, стараясь отвечать невпопад и делать как можно меньше движений.

Позволив Лю Юаню невредимым добраться до Цинсяо-цзун и предстать перед старшим братом Шэнем и алхимиком Сыту, Шэнь Гумин затаился, боясь спугнуть добычу, и жадно внимал каждому слову.

Но когда Сыту Чэ вдруг упомянул о некоем «трагическом происшествии» во время великой битвы вековой давности, которое навсегда сломило и погубило Лян Сюаня, пальцы Шэнь Гумина судорожно сжались. В его сознании вихрем взметнулись бесчисленные вопросы. Из-за эмоционального всплеска духовная нить, связывающая его с паразитом в теле Лю Юаня, дрогнула. И стоило ему попытаться уцепиться за эту ниточку, как пронизательный Сыту Чэ мгновенно почуял неладное и безжалостно оборвал её своей мощной ци.

«Дух за спиной» развеялся прахом, унося с собой все зацепки.

Шэнь Гумин чувствовал себя путником, который долгие дни блуждал в беспросветной тьме пещеры, наконец нащупал дорогу к выходу, но прямо перед его носом с грохотом рухнула исполинская глыба, наглухо запечатав лаз. Какая жестокая, издевательская насмешка судьбы.

А ведь он был буквально в шаге от разгадки.

В тот момент он скорчил такую зловещую гримасу, а его взгляд стал таким леденящим, что Лян Сюань наверняка бы испугался, не спрячь юноша поспешно голову.

Потребовалось двое суток, чтобы он окончательно пришел в себя. И пусть неведение жгло грудь каленым железом, Шэнь Гумин успокаивал себя тем, что Лян Сюань сейчас рядом с ним. Придёт день, и наставник доверится ему настолько, что сам всё расскажет.

Ведь теперь он — единственный ученик прославленного мастера меча Вэйцы-цзюня.

Кого ещё, кроме него, тот может впустить в своё израненное сердце?

Никого. И никогда.

Во время тренировок Лян Сюань обычно забирался на крышку своего гроба, обхватывал руками колени и, положив на них подбородок, лениво наблюдал за тем, как безупречно и грозно двигался его подопечный.

— Недурно, весьма недурно, — одобрительно тянул он. — Старайся лучше. Вот займёшь через пять лет первое место в Списке небесных испытаний — и приведёшь в нашу Долину Бавана красавицу-жену.

С его девичьей памятью, способной поспорить с беспамятством дохлой рыбы, было настоящим подвигом вспомнить, что по канону книги главный герой должен завоевать вершину Списка и тем самым покорить сердце Гу Фаньинь, а заодно и целой толпы прелестниц из Павильона Циюй.

И пусть сюжет давно покатился по наклонной, а Шэнь Гумин так и не переступил порог Павильона Циюй, его природный магнетизм едва ли мог ослабнуть.

Один этот слегка вздёрнутый, высокомерный подбородок, эта врождённая грация и бьющая через край юношеская удаль свели бы с ума кого угодно...

— Какую ещё жену? — Шэнь Гумин перехватил рукоять меча левой рукой, подошел к зеркальной глади дождевой лужицы и, присев на корточки, принялся старательно приглаживать растрепавшиеся на ветру пряди. — С чего вы взяли, что я собрался жениться?

Лян Сюань любил растягивать слова, отчего любой его совет казался верхом легкомыслия:

— Жизнь длинная, встретишь ещё свою судьбу.

—... И что, она будет красивой? — Шэнь Гумин остался недоволен результатом своих трудов, решительно распустил волосы и принялся заново затягивать их серебряной заколкой. — Неужели красивее меня?

Лян Сюань покатился со смеху, уткнувшись лицом в колени, он мелко подрагивал:

— Красивой-то красивой, спору нет, но до тебя ей, пожалуй, далеко.

Гу Фаньинь, занимавшая почетное второе место в Списке первых красавиц Поднебесной, спору нет, была божественно прекрасна. Вот только век назад она смотрела на самого Лян Сюаня очень странно — бог весть, сумеет ли главный герой переключить её внимание на себя.

Что же до остальных девиц, не удостоившихся чести попасть в этот престижный список, то в оригинале их чувства так и остались безответными: стоило герою отдать сердце Гу Фаньинь, как для всего остального женского пола он превратился в ледяную статую.

Но раз уж сейчас эти двое не обменялись и парой слов, ни о какой вспыхнувшей любви речи не шло. А значит, у прочих прелестниц всё ещё оставался шанс растопить сердце неприступного юноши.

Глядишь, второстепенная heroine выбьется в главные.

Разлучница примерит венец...

— Ну, раз она уступает мне лицом, то и говорить не о чем, — с самым серьезным видом отрезал Шэнь Гумин. — Не собираюсь связывать жизнь с той, кто дурнее меня. Да и зачем мне кто-то еще, когда у меня есть учитель? Ни у одной из них нет такой стати...

Выслушав эту пространную тираду о важности безупречного лица, Лян Сюань лишь покачал головой.

Нарцисс несчастный. Любитель красивых оберток.

Таким упрямам неведомо чувство истинной привязанности — с подобными замашками главному герою суждено коротать свои дни в гордом одиночестве. Романтическая линия приказала долго жить, уступив место суровому сюжету без намека на чувства.

Время летело незаметно, словно талая вода.

Сменялись года, кружили метели и удушливые ветра, но под защитой древнего барьера, укрывавшего земли демонов, царила вечная, безмятежная весна.

Все эти пять лет Лян Сюань преспокойно вел жизнь ленивого затворника: спал до полудня, сытно ел, время от времени подтрунивал над Тан Тянь, гонял по двору трусливых кошачьих демонов и покрикивал на тренирующегося Шэнь Гумина. Когда же тот утыкался в тупик, наставник неохотно спускался со своего ложа и лично правил его стойку.

Впрочем, заклинатели Цинсяо-цзун отличались поразительной настырностью. Спустя всего несколько дней после того, как Лян Сюань до полусмерти запугал Лю Юаня, к границам долины вновь потянулись незванные гости. Однако пробиться сквозь невидимый заслон они не могли и лишь уныло выкрикивали из-за черты свои высокопарные речи.

Суть их сводилась к одному: дескать, мастер Вэйцы по-прежнему принадлежит к их Цинсяо-цзун, а за былые недоразумения на пиру глава ордена великодушно обещал не карать, стоит лишь блудному сыну вернуться под крыло ордена...

Лян Сюань слушал это нытьё вполоборота, мысленно посылая назойливых вестников ко всем чертям.

Если уж он что-то вбил себе в голову, то скорее небо рухнет на землю, чем он передумает.

На четвертый год их затворничества Шэнь Гумин, которому едва исполнился двадцать один

год, подошел к порогу формирования Золотого Ядра. Небо содрогнулось от поступи грядущей грозы.

Даже для обычного заклинателя прорыв на эту ступень сопровождался свирепыми ударами молний, что уж говорить о любимце самой судьбы. Здесь требовалось идеальное совпадение времени, места и внутренней воли.

Накануне Лян Сюань, сжавшись, убрал духовный барьер. Обнаружив брешь, толпа крутившихся у входа учеников Цинсяо-цзун радостно ломанулась внутрь, намереваясь в очередной раз допечь его своими увещеваниями. Однако стоило им сделать десяток шагов, как лазурный небосвод затянуло чернильной хмарью. Воздух задрожал от грохота, и слепящие молнии, толщиной в вековых змеев, с треском обрушились на землю, мгновенно залив долину мертвенно-белым сиянием.

Бедолаги-заклинатели едва не растеряли остатки души от неопишемого ужаса.

Одной из молний не повезло угодить прямо в макушку самому ретивому юнцу.

Жизнь в нем чудом удержалась, но парень мгновенно превратился в обугленную головешку и рухнул без чувств. Без срочной помощи лекарей его дни были сочтены.

Новоиспеченные адепты, не отличавшиеся особым умом, в панике решили, что это сам разгневанный мастер Вэйцы обрушил на них кару небесную. Похватав раненого сотоварища, они без оглядки припустили обратно к Цинсяо-цзун, где принялись наперебой нести несусветную чушь старейшинам и главе.

И надо же было такому случиться, что почтенный Хуачэнь принял этот бред за чистую монету.

Праучитель Пэй Таньцзы, скрепя сердце, пытался пойти на мировую с непокорным преемником, но весть о том, что Вэйцы-цзюнь безжалостно калечит неразумных юнцов, глубоко его уязвила. Посылать гонцов в долину больше никто не решался.

Сам Пэй Таньцзы, пусть и хранил суровое молчание, в глубине души не находил себе места.

Тогда, во время ссоры, гнев застлал ему глаза, и рука сама взметнулась для пощечины. Теперь же, когда обида утихла, его начала грызть глухая, запоздалая жалость. За все прожитые годы он ведь ни разу пальцем не тронул своего младшего ученика и слова худого ему не сказал.

В его памяти Лян Ланьин до самого своего совершеннолетия оставался тихим, робким юношей, который безропотно следовал правилам и никогда не лез на рожон. Да, он был послушным, но слишком уж бесхребетным — если не считать редкой красоты, ничем примечательным этот мальчик не выделялся.

Из двух его учеников один страдал от телесной немощи, второй — от душевной слабости. И старший, Сиу-цзюнь, казался наставнику куда более перспективным: стоило тому преодолеть порог Трансформации божества, как недуги отступили бы сами собой.

Именно поэтому любимцем Пэй Таньцзы всегда оставался Цюй Цинъюэ, тогда как Лян Сюаню доставались лишь крохи его внимания.

Все изменилось в тот день, когда на Пике Сюэмэй разнесся слух, будто его младший ученик вознамерился свести счеты с жизнью, бросившись в колодец.

— А ну пустите меня, придурки недоделанные! — орал Лян Сюань, взгромоздившись на каменную кладку. Половина его тела уже свешивалась в темный зев, пока побелевшие от ужаса адепты изо всех сил цеплялись за его широкие рукава и полы халата. — С чего вы взяли, что я вешаться собрался? Какого черта вы тут вдруг завыли?!

— Но... но если вы не топиться пришли, зачем тогда в колодец лезете?! Опомнитесь, старейшина, в мире столько прекрасного! Не губите душу из-за мимолетной печали!

Лян Сюань нехотя перекинул одну ногу обратно на землю и фыркнул:

— Сразу видно — темнота непросвещенная. Обычные неписи!

Заклинатель лишь тупо захлопал глазами:

— Чего-чего?..

— Да во всех сериалах принцессы, которые провалились в прошлое, возвращались домой именно через колодцы!

— Ладно, пусть перерождение в романе — штука немного иная, но послушайте меня: я ведь всего пару дней назад котенка купил! Он же там один, пушистый, мяукает... Да я без него жить не хочу, лучше уж расшибиться в лепешку!

— Мне нужно обратно, потискать его! Так что брысь отсюда и не мешайте процессу!

С этими словами он снова полез на стенку, заставив несчастных учеников взвыть от бессилия и с новой силой вцепиться в его одежды.

— Ну какие же вы зануды, — простонал парень в белоснежном одеянии.

В его глазах промелькнул лукавый огонек, губы тронула шальная улыбка. Выхватив из-за

спины верный клинок, он принялся размахивать им перед носами адептов, заставив тех испуганно отпрянуть. Сделав неосторожный шаг назад, Лян Сюань потерял равновесие. Его белые одежды взметнулись облаком — он уже летел спиной в бездну, как вдруг незримая теплая волна подхватила его, намертво зафиксировав в воздухе.

Из тени сосен неторопливо вышел Почтенный Хуачэнь, опустив руку после плавного пасса.

Чернильные волосы праучителя ровной волной ниспадали на белые одежды, а на лбу тускло поблескивало багровое клеймо меча, внушая невольный трепет.

Голос Пэй Таньцзы прозвучал подобно треску ломающегося на реке льда — глухо и непреклонно:

— Бесстыдство.

— Чего-о? — донеслось из колодезного зева.

Лян Сюань, нелепо зависший в горизонтальном положении прямо над бездной, даже не подумал высвободиться. Он лишь повернул голову на звук и во все глаза уставился на подошедшего заклинателя. В следующий миг его лицо озарила широкая улыбка:

— Обалдеть! Сам кумир пожаловал!

Он восторженно просиял:

— Многоуважаемый бессмертный друг, позвольте полюбопытствовать: не вы ли будете величаться Пэй Су, в быту — Пэй Таньцзы? В этой чертовой книге вы ведь первый, кто умудрился достичь стадии Великого Совершенства! Не считая главного героя, вы тут единственный чите́р библейского масштаба! Но все это мелочи. На самом деле вы прославились своим великолепным молчаливым пафосом, за который вас так обожают читатели-извращенцы. И я, признаться, в первых рядах вашего фан-клуба!

...

Несет околесицу, смущает умы неофитов.

Пытался наложить на себя руки в порыве безумия.

В тот же вечер разгневанный Почтенный Хуачэнь приговорил непутевого ученика к десятикратному переписыванию покаянной грамоты.

На следующее утро покаянная записка легла на стол наставника:

«Ты первый, кто осмелился заставить меня писать эту домашку. Но поскольку я твой преданный фанат, а значит — почти названный брат, так и быть, прощаю твое упрямство. Уважаю за характер, чувак! XD»

Каракули были такими размашистыми, словно их выводила курица лапой, а добрую половину свитка занимал жирный, тщательно прорисованный силуэт болотной черепахи.

Пэй Таньцзы долго и молча созерцал это творение.

Несносный, абсолютно несносный мальчишка.

В те дни его былое равнодушие сменилось глухим раздражением, но Лян Сюань добился главного — наставник больше не мог игнорировать его существование. Мастер Вэйцы с завидным постоянством умудрялся влипать в такие нелепые истории, что Пэй Таньцзы волей-неволей приходилось лично разгребать эти завалы.

И именно за этой вынужденной заботой праучитель постепенно начал разглядывать истинную сущность своего странного ученика.

Когда Цюй Цинъюэ занемог, Лян Сюань первым забил тревогу. И пусть на людях он никогда не выказывал особой заботы о старшем брате, именно он тайком бегал на кухню проверять, готов ли целебный отвар, плотно закрывал ставни в его покоях перед ночными заморозками и разгонял шумных адептов у подножия Пика Бэйянь, чтобы те не тревожили покой больного. При этом он тщательно следил, чтобы сам Цюй Цинъюэ ни о чем не догадался.

... Этот парень явно не походил на благородных героев древности, что вершат добрые дела втайне от мира.

Его мотивы оставались загадкой, граничащей с абсурдом.

Позже Почтенный Хуачэнь напрямик спросил его, почему тот скрывает свои благодеяния от Сиу-цзюня.

Лян Сюань тогда лишь легкомысленно отмахнулся:

— Еще чего! Вдруг старший брат в меня влюбится? Я по мальчикам не прикуриваю, так что лишние нежности мне ни к чему.

А потом, прищурившись, добавил:

— Кстати, учитель, вы в меня тоже не влюбляйтесь, ладно?

— Мое сердце бьется только для меня любимого.

<http://bllate.org/book/18178/1753302>